

*Посвящается моей бабушке,
мадам Джулиане Мансе Цекуме*

Глава первая

Эликем женился на мне заочно: на свадьбе он не присутствовал.

Традиционная церемония прошла в третью субботу января у моего дяди Пайеса, на прямоугольном дворе, зажатом между двухкомнатными домиками и деревянными воротами, выходящими на оживленный тротуар. Два семейства, в равной степени счастливые, только по разным причинам, восседали друг напротив друга на арендованных пластиковых стульях, расставленных аккуратными рядами по всему двору. Впереди для старших членов каждой семьи выставили добротные стулья, обитые плотной тканью и отполированные так, что деревянный каркас сиял подобно горячему шоколаду. Кухню заблаговременно вычистили до блеска, избавили от эмалированных тазов для мытья и хранения посуды и чугунных угольных чаш для готовки.

Перед прибытием гостей тога Пайес — то есть старший брат моего покойного отца — светился так, словно жениться предстояло ему самому. Его точеное лицо с густыми бровями, торчащими во все сторо-

ны, не вполне сочеталось с расплывшейся фигурой, а улыбка напоминала гримасу. В то утро, когда тога восседал на своем троне с жесткой обивкой, синяя кенте¹, обернутая вокруг него в традиционной манере, соскользнула с плеча и собралась на поясе, тем самым оголяя мясистую грудь, однако он даже не пытался поправить ткань.

По бокам от тоги сидели его младшие братья, Брайт и Экселлент. Позади них на трех рядах пластиковых стульев расположились остальные дяди и старшие двоюродные братья, всего человек пятнадцать; все выпячивали грудь, преисполненные незаслуженной важности. Мечтая оказаться на месте тоги, они пытались ему во всем подражать: копировали его грубый хохот, который обычно сопровождали хлопки по бедрам и завершало громогласное протяжное «У-у-х-у-у»; щелкали пальцами, привлекая внимание, а если не срабатывало — свистели. Сегодня им полагалось помогать главе семейства, словно тога Пайес сам был не в состоянии вытянуть руки и принять от моих будущих родственников подарки в виде бутылок шнапса, конвертов, набитых наличными, и коробок в яркой оберточной бумаге. Перед началом церемонии самых младших и незначительных из братьев, разумеется, заменят старшие тети.

Однако пока большинство женщин собрались у моей двоюродной бабушки, в доме напротив. Они

¹ Кенте — ганская ткань высокого качества, из шелка и хлопка, с узорами в традиционном африканском стиле. (Здесь и далее прим. перев.)

суетились на открытой кухне, готовя угощения для банкета, последующего за церемонией. Когда я туда заглянула, в гигантском котле на угольной чаше булькал рыжий от пальмового масла суп из бамии. Сестра моего отца, Сильвия, которая живет в Того¹ и приезжает по особым случаям, сунула несколько палок в огонь и с криком отскочила, когда посыпались искры. Не успели они рассеяться в воздухе, как кто-то затянул песню, остальные подхватили и повторяли припев до тех пор, пока суп не начал переливаться на угли, образуя дымовые клубы, от которых все зашлись в кашле. Также воздух пропитался ароматами специй и трав, щекотавшими ноздри. Я зачихала, чем выдала свое присутствие, и меня тут же выдворили из кухни. Пришлось вернуться в дом тоги Пайеса, где тоже кипела бурная деятельность.

Люди сновали между стульями со стопками красивых салфеток, открывашками, кружками и рамками для фотографий, засунутыми в красочные пакеты, — подарки для гостей, которые лежали на специальном столе с белой скатертью. Присматривать за ним назначили Нэнси, мою чрезвычайно деловитую двоюродную сестру, недавно окончившую школу. Ей отводилась непростая задача: отгонять тех, кто прятал свой подарок под одеждой и возвращался за вторым, третьим или даже четвертым. Также сестра хорошо справлялась с малышкой, вечно путающейся под ногами. Я наблюдала за Нэнси сквозь черные решетки

¹ Т о г о — государство, граничащее с Ганой на востоке.

на окнах гостиной: она сосредоточенно хмурилась и тщательно пересчитывала красочные пакеты, выставленные на столе. Никогда не видела ее такой серьезной. Впрочем, в семье впервые происходило событие подобного масштаба.

Ко мне подошла Мавуси, одна из дочерей тоги Пайеса, а также моя лучшая подруга, и начала белым платком поправлять мне макияж. Я прикрыла глаза, когда мягкая ткань, которой сестра орудовала с проворством хирурга, несколько раз клюнула мой лоб и перешла к носу. Вскоре платок заменила пуховка пудреницы, выуженной из клатча со стразами.

— Хватит, — запротестовала я, когда она припудривала мне щеки.

За прошедший час Мавуси, наверное, уже пятый раз поправляла мне макияж. Не так уж сильно я вспотела, пока еще относительно спокойная, только уставшая. Сообщив о моей помолвке с Эли, мама словно взвалила мне на голову огромный таз с водой, в котором плескались обе наших семьи. Отнюдь не просто отвечать за счастье других, за их радости и горести. Мне отчаянно хотелось наконец покончить со свадьбой — тогда можно считать, что со своими обязанностями я справилась.

Хотя если подумать, то, скорее, к ним приступила.

— Говорю же, не надо, — повторила я. — Ты только распяляешь мою тревогу.

— Какую тревогу? Разве я не велела тебе расслабиться? Не о чем тут тревожиться! Веселись и улы-

байся. — Говоря это, сестра буравила взглядом прыщичек у меня на подбородке.

— Тебя послушать, так все просто. Но ведь я его почти не знаю! Вдруг ничего не выйдет? Вдруг он все равно не бросит другую, не вернется в семью? Я всех подведу! Его родных, свою маму, весь город! Я всю ночь ворочалась, — прошептала я, чтобы никто не слышал.

— Не волнуйся, все считают его достойным человеком.

Казалось, мои слова залетели сестре в одно ухо и вылетели в другое. Я присела на краешек кофейного столика: ноги, облаченные в кремовые туфли с острым носом и на шпильках, уже ощутимо ныли.

— Он чистый? — крикнула мама с противоположного конца гостиной и кинулась к нам.

Она следила за тем, как расставляют тарелки на обеденном столе, предназначенном для матери Эли, его дядей, братьев, сестер и их почетных гостей из Аккры. Им подадут жареный рис, курицу гриль, шашлык и овощные салаты. Остальным же придется довольствоваться супом из бамии и козлятины с акпле¹ — снаружи, где пройдет церемония. Вскоре принесут горячие блюда; мама сама поставила жареный рис, не желая доверять такую важную задачу моим тетушкам, которые отвечали за банкет.

Я вскочила.

¹ Акпле — гарнир ганской кухни из кукурузной муки, воды и соли. Обычно подается вместе с супами, в одной тарелке: его отщипывают руками и макают в жидкость.

— Дай платок! — рывкнула мама сестре, которая выглядела такой виноватой, словно провалила обязанности моей помощницы. Мама сложила носовой платок, пряча запачканный коричневой пудрой клочок, и начала осторожно отряхивать мой обтянутый кружевами зад — ни в коем случае нельзя, чтобы оторвалась хоть одна блестка.

— Афино¹, позвольте мне, — предложила Мавуси, потянувшись за платком, однако мама шлепнула ее по руке.

Вздрогнув, сестра взглянула на меня со смесью отчаяния и обиды.

— Забудь, — одними губами проговорила я.

Три месяца назад я сказала бы это громко, но теперь воздержалась. Свадьба — событие крайней важности, и мама была вся на иголках — того и гляди сорвется. Все должно пройти без сучка без задоринки: чтобы Эли остался мной доволен, чтобы его мама, тетушка Фаустина Ганьо, вернула сына в лоно семьи, а мы могли наслаждаться статусом, который, несомненно, приобретем, породнившись с уважаемыми Ганьо.

В прошлом тетушка существенно нам помогла. Когда десять лет назад, в две тысячи четвертом году, умер мой отец, нас с мамой выгнали из дома, принадлежащего государству, а большинство ценностей отобрали люди, без всяких доказательств утверждавшие, будто мой отец им задолжал. Именно тетушка предоставила нам один из своих домов — с двумя

¹ Мама Афи.

спальнями, ванной и кухней, — в то время как тога Пайес даже не поднял свой зад со стула, а лишь развел руками, мол, в нашем семейном доме нет свободных мест (семья у него большая, но некоторые комнаты он сдавал чужим). Более того, тетушка устроила маму на свой склад муки продавщицей. А ведь эта женщина не приходилась нам ни родственницей, ни другом семьи! Разумеется, мы знали о ней, как и все в городе. Она была не единственной богатой предпринимательницей, однако самой щедрой — той, которая никогда не отказывала в помощи нуждающимся. Мы часто видели ее белый «Паджеро», проезжающий по главной улице города: у руля — водитель, сзади тетушка. В детстве я ходила на рождественские праздники, которые она устраивала каждый год для местной детворы. Изначально их проводили на лужайках парков и скверов, а позже переместили на стадион, когда районный министр робко посетовал на проплешины в газоне. На этих праздниках мы вдоволь напивались охлажденным лехи, сладким кукурузным напитком, и уходили с пакетиком угощений — пончиками, чипсами и конфетами. Мама также состояла в «Женской гильдии»¹, которой тетушка руководила так давно, что никто уже не помнил ее предшественницу и не задумывался о новых выборах.

— Благослови ее Всевышний! — благоговейно приговаривала мама, со слезами глядя на мешок ку-

¹ «Женская гильдия» — исключительно женское объединение в рамках пресвитерианской церкви (направление протестантизма).

курузы или какой-нибудь другой гостинец, который временами завозил нам тетушкин водитель. Как минимум половину утренней молитвы мы вверяли нашу покровительницу в руки Бога и молились, чтобы на нее лилась благодать, как из рога изобилия. При этом в детстве я с большим беспокойством представляла тетушку по шею в сверхъестественной субстанции, которая также льется ей на голову из парящего золотого рога.

— Отец всемогущий, благослови ее, окутай своей любовью, наполни своей благодатью, — молила мама с дрожью в голосе.

Она и помыслить не могла, что однажды сможет отплатить тетушке за всю ее доброту, пока та не предложила брак между нашими семьями. И вот теперь мама осторожно разглаживала мерцающие рукава моего платья с вырезом лодочкой и велела Мавуси придерживать переливающийся кремовый подол, чтобы он не испачкался.

На мгновение я задумалась о мамином внешнем преображении для свадьбы. Она словно превратилась в другого человека. На ней был уложенный в каре шелковистый черный парик, который она купила во время поездки в Аккру за покупками — первой после смерти моего отца. На ней прекрасно сидели каба с вырезом лодочкой и слит¹, расписанные восковым батиком в бело-синих тонах, традиционных для матери

¹ Каба и слит — традиционный ганский женский наряд, состоящий из кабы — облегающей кофточки с оборками на талии — и слита — длинной узкой юбки, расширяющейся

невесты. Шею и запястья украшали синие глиняные бусы, доставшиеся от бабушки, а туфли на низком каблучке подходили по цвету к белой атласной сумочке. Мама давно не наряжалась так элегантно.

Раздались радостные крики «Mia woezor!»¹. Так бурно могли встречать только тетушку и ее свиту.

Мама спешно загнала меня в спальню, а перед уходом предупредила:

— Никому не показывайся!

Я слышала все, что происходило во дворе, поскольку младший брат Эликема, Ричард, потребовал установить микрофоны. Он также привез из Аккры циами² вместе с видеооператором и фотограмами; они весь день ловили камерами мое лицо, дабы запечатлеть для жениха каждый его нюанс.

В начале церемонии моих родственников приветствовал старший брат Эли, Фред, который на последних выборах активно участвовал в кампании президента, а теперь занимал должность заместителя министра транспорта. Затем он, согласно традиции, объявил:

— Мы увидели в этом доме прекрасный цветок — яркий и ароматный цветок, который пришли сорвать!

от колена. Их шьют из одной ткани (обычно с яркими узорами), из-за чего наряд выглядит как платье.

¹ «Добро пожаловать» на языке эве, распространенном в Гане. Официальным языком страны является английский.

² Ц и а м и — так называемый «переводчик», представитель вождя, который общается с людьми вместо него.